

Дмитрий БРИСЕНКО

Дмитрий Брисенко родился в Великих Луках. Жил на Урале и в Подмосковье. Публиковался в журналах «Волга», «Урал», «Новый мир», «Русская жизнь» и др. Автор книг стихов «Из всех орудий» (2019) и «Небесная Электросталь» (2023). Живет в Москве.

В начале в конце ноября

Зачем те следы за окном,
Зачем накренившийся дом
И этот за окнами снег,
И красный фонарь снегиря.

Стоит у окна человек
В начале, в конце ноября.

И мелочь в кармане пальто,
И люди в вагоне метро,
И росчерк неона в ночи,
И бурые те кирпичи,
И голые тополя,
И в листьях уснувшая тля.

Стоит у окна человек,
Сквозь мутный кристалл ноября,
Как будто всё было не зря,
А может, и правда, не зря.

Новости для мамы

«Люба сообщила: в ноябре и марте чабрец пахнет грибами,
Лёха рассказал, что его родители клали шпалы на БАМе,
Женя потерял мизинец, поднося дары пилораме»,
Я сижу на кухне и рассказываю новости маме.

«Аллигатор в цирке марширует под тему из "Звёздных войн",
Миллионы зрителей подтвердят это лайками в Инстаграме,
Чтобы уравнивать людей, как когда-то Колыт, Бог придумал биткойн»,
Я сижу на кухне и рассказываю новости маме.

«Чёрный вихрь воздушный деревни взмывает вверх,
На мосту бараны снова дерутся лбами,
За плечом то ли сизый нос, то ли красный смех»,
Я сижу на кухне и рассказываю новости маме.

Пересказывать новости всё-таки как-то тупо,
Особенно если учесть, что мамы на кухне нет.
Только тонкий старый запах давно остывших котлет,

Только голос в ухе: жалко Женьку,
Съешь хоть немного супа.

Тётя-мотя

К нему подходит тётя-мотя,
Он говорит ей, здравствуй-здравствуй,
Бери меня и властвуй, властвуй,
И в лапы старые мои
Налей немного суперклея,
И жди момент, пока сомлею,
Пока надёжно захмелею.
Затем звезда наметит путь,
И лунный луч упрётся в грудь.

«Пошли. Здесь есть одно местечко.
Вот конь мой. Вот к нему уздечка.
Смотри – вон смотрит под луной
На нас безглазая овечка».

Хотя постой,
Я что-то расхрабрился.
Хочу домой.

«Уж поздно. Мысль мертва.
Цепляет ноги мёртвая трава.
И путешествует среди извилин
Готовый убивать пустынный филин».

Да, что-то не срослось. Хрипит тревожно в чаще лось. Но, может, надо нам
почаще? Привычка свыше нам дана и всё такое. Тебя увидя вдругорядь, лицо рукой уж
не прикрою.

«Согласна. Завтра здесь же, в тот же час».
О, Боже святой, сохрани, помилуй нас.

Так говорили оба в темноте.
Шумел камыш, шептал Иртыш,
Седой ковыль к земле клонился,
И лаз в земле кому-то снился,
И шли поодаль те или не те.

Пробуждение

Когда я слышу Bitter sweet symphony,
Её самые первые звуки,
То это как будто труба,
Которая пробуждает меня

Из мёртвых.

Как будто это новая жизнь,
Новая прекрасная жизнь,
И я в неё пробуждаюсь
После долгих лет
Тяжёлого мёртвого сна.

И всё было не напрасно,
И 90-е не до конца отгремели,
И надежда не до конца умерла,
И всё, что происходит сейчас,
Как будто бы снова сон,

Тяжёлый кошмарный сон,
Который снова прервётся
Ранним солнечным утром
Под звуки Bitter sweet symphony,
Прекрасной, но всё-таки не самой
Выдающейся группы The Verve.

Но нет, но нет,
Кажется, это обычный сон,
В котором мне снится,
Как что-то мерцает неоном,
Просто мерцает в памяти,
То, что когда-то было,

А сейчас просто длится
И будет сегодня и дальше,
Будет вечно стоять,
Как догорающий день,
Как злые сумерки
Бесконечного дня.

И как будто звуки
Уже другой песни,
Тоже как из трубы,
Постепенно нарастают,
Снова будят меня.

Как в диджейском миксе,
Трек плавно сменяет трек,
И вот уже слышится:

На семи продувных сквозняках,
По болотам, по пустыням, степям,
По сугробам, по грязи, по земле...

И я вижу – да, оно наступает,

Утро нового дня, нового мира,
В котором новая прекрасная жизнь,
Такая долгая прекрасная жизнь,
Такая долгая счастливая жизнь,

Каждому из нас.
Каждому из нас.

Каждому из нас.

Каждому из нас.

Звёзды сияли в вечернем насте,
Сверкали иглами в сердце Насти.
Кто-то эон разобрал на части,
Потом собрал, и остались детали.

Пустые заводы без стали,
Сухая земля без воды,
Чувства без адресата,
Всадник без головы.

В лугах взошла стекловата,
Судьба без вины виновата,
Сапожник бухой без вина.

Ты спросишь: что происходит,
Зачем меня мать родила?
Зачем нас мажет по миру
И прёт, закусив удила,

Та сила, что хочет мира,
Но вечно желает зла?

Мой друг, все эти напасти
И беды, и колкий рай,
И дом, и далёкий край
Живут в голове у Насти.

И все эти грязные штучки,
Все эти Nasty things,
Как железный дождь
Из свинцовой тучки,
Как стеклянный взгляд
Lord of the rings.

И Настя сидит, поджав ноги,

Смотрит в плёнку окна,
Зимние боги стоят на пороге,
В небе плывёт луна.

Стол придавила тяжёлая чарка,
Выпьем её до дна.

На золотом крыльце
В пушку рыльце.

А зори здесь тихие,
Поднадзорные,

Удары ловкие,
Под опорную.

Эники-беники,
Неврастеники.

Кто шагает дружно в ногу,
Это мы шагаем к Богу!

Камень, бритва, цуефа,
Зона, тьма, Тотьма, Уфа.

На золотом крыльце
Позолота с крыльев,

Тишина и след от тени,
Стёртые ступени.

Вниз по ним шагает в ад
Пионерский наш отряд.

Говорит молодому старый:
Я ведь был всегда хорошим,
А теперь подо мною нары,
А теперь я Богом заброшен
За последнюю мутную речку.
Я трава для тучной отары,
Я гнездо для транспортной тары,
Я сверчок, угодивший в печку.

Говорит молодой в ответ:

Загляни в хранилище бед,
Отыщи свою среди всех,
Знай, уныние – смертный грех.
Не убойся ржання коней,
Посмотри на цифры на ней,
Ведь срок годности у несчастья
Истекает, как кровь с запястья.

Так сидели лицом к реке,
И один утешал другого.
И тепло от руки к руке
Как забор из прута стального.
И плеск волн то дальше, то ближе
От весла на мутной реке.
И сознание то гуще, то жиже
В старом доме на чердаке.

Когда меня последний гунн
В бараний рог согнёт,
Движение небесных лун
И чёт или нечёт,
А с ними дядька Черномор,
Затем вопрос такой:
Укладывал ли на пробор
Мозолистой рукой
Волос немытую копну
Товарищ Гостомысл?
Ну, если глубоко копнуть...
Тогда и всякий смысл
Вопросы, тезисы и проч.
Утратят, как к заре задор
Утрачивает ночь.
Вперёд прямого нет пути,
Но с трёх до девяти
Откроет чрево тайный лаз
В доступности магаз.
Напитки с полок соберу
Бестрепетной рукой.
Необратимость обрету,
Надмирность и покой.

Саморазвивайся!
Подказали Все.

Самораз-
Самодва-
Самотри-

Смотри!

И вот уже совсем другой Василий
Идёт по улице. Без видимых усилий
Вот он уже по воздуху летит,
И тень, как полупризрачный петит,
Скользит за ним по зебре и кустам,
По крышам, голубятням и мостам.

Чувство, как будто дали
Поддержать что-то, от чего шёл свет,
А потом забрали,
Сказав, что его больше нет.

На промозглом январском ветру
Слеза из глаза, след на щеке.
Завтра, ближе к утру
Из дома выйти к реке.

На льду утиное стадо,
Из снега торчит трава
Сухая. Как так и надо,
Стеклянная голова

Решает секретный ребус,
Глядит на застывший пазл.
Скрипя, уходит автобус,
Доброе утро, шлимазл!

Куда же ушёл этот свет,
Ладонь ещё помнит его.
И кажется, есть ответ.
И кажется, нет его.

Возвращение

Дьявол скользит на коньках по замёрзшему аду,
Пейзаж морозный являет глазу усладу,
И жёлтый глаз, будто застывший мёд,
В ночи сверкает, и лезвие режет лёд.

В театр ходить – это дело совсем уж лишнее,

Зачем мне театр, когда все актёры тут,
Под слоем льда стоят, как цветущие вишни,
Думает дьявол, и мысли его ведут

В далёкие области, в карстовые пещеры,
Где детство звонкой монетой падало в водосток,
На крышах плоских «Астру» вдыхали химеры,
И жизнь текла преимущественно между строк.

Дьявол давно здесь, круги нарезает годами,
И кроме него на этом катке никого.
И кто его знает, чьими тут всё трудами
Устроено. Всё это хрупко-снежное рококо.

Но вдруг полынья, и дьявол уходит под воду,
Мечутся тени, то Кракен и Левиафан
Как будто? Но нет, это чей-то чёрный кафтан,
Внизу купола, шпили башен и тьма народу.

И дьявол решает было, что дело табак,
Но чьи-то сильные руки хватают
И втаскивают его в кабак.

Внутри огни, жара и плотный упругий пар,
И стойка бара ломится от коктейлей,
Повсюду царствует чад кутежа и угар,
И ночь расцветчивают огни отелей.

Дьявол радостно потирает руки,
Давай-ка, бармен, плесни мне зелья от скуки,
Я снова дома, какое счастье, какие лица!
Как хорошо, что здесь никому не спится!
Я снова дома. Налейте рома! Я снова дома!

Мысль пульсирует в глубине,
Как пульсирует гнойничок
В ожидании прорыва,
Как вальсирует старичок
В предвкушении телеэфира.
Мы живём в отражении вечного взрыва,
Нас ласкают движения сумрачных масс,
Мы дрожим в глубине,
Мы танцуем на дне:

Три-два-раз,
Три-два-раз,
Три-два-раз.

Просыпаясь в потёмках, оплачивая проезд,
Задерживая дыхание, заходя в подъезд,
Опаздывая на работу, подтирая чужую рвоту,
Приём отсчитывая по часам, рыдая по волосам,
Потерявши голову,
Прикипев друг к другу, как железо к олову,
Любую мелодию угадывая на раз,
Стоя в «Пятёрочке» подле касс:

Три-два-раз,
Три-два-раз,
Три-два-раз.

ОТГУЛ

1

Не пустили в рай,
Не пустили в лимб,
Не печалься, зай,
Не штурмуй олимп,
Не пустили в ад,
Жёсткий фейс-контроль,
Помоги, камрад,
Прекратить гастроль.

2

Галя, у нас отмена,
Дрова сырые, коптит геенна.
Лена, нужны поддоны,
Для сбора павших в Армагеддоне.
Сделки открыты, бизнес-цепочки рвутся,
Красный луч озарил fields of rare,
В этих жёлтых полях сурепки,
Прут насилия чёрные репки,
Галя, помнишь тот лютый рейв?
Лена, мы засиделись, эпохи
Сменились, вошёл новый зон.
Примите вызов, давите вздохи,
Не ведите себя как лохи,
Когда лопнет последний аксон,
Когда вдруг зазвонит телефон.

3

Пока суть да дело,
В прокате выдали новое тело,

Всё, как писал епископ Даремский:
Вот работник мужской, вот работник женский,
Вероятно, собирали по китайской инструкции,
Но не суть, нам важны не нюансы конструкции,
А то, что приходится снова и снова,
От зари до зари,
(Вот она, *vita nova*),
Идти работать, лишь зажгут фонари.
Проекты, дедлайны, большая ответственность,
И новая искренность,
И старая выпренность,
Слышишь этот приятный гул?
Пришло сообщение: ты славно трудился,
Ты заработал себе отгул.

4

На паркете зайчик,
За окном листок,
Капает из крана
Вкусная вода,
Погоди немного,
Погоди чуток,
Это навсегда.
Навсегда запомнишь
Этот летний день,
Бабушки оладьи,
На асфальте тень,
На углу афиша
Новый кинофильм,
А в кладовке лыжи,
Память долгих зим,
В парке мама с папой,
Карусель летит,
Котик толстой лапкой
Мышку шевелит.
Всё это запомнишь,
Это навсегда,
В этот день отгула
Эти провода
Оживили память,
Растрепали сны,
Разбудили эхо
Будущей весны.

С недавних пор в моих друзьях Левиафан,
Чуть отвернулся, он уж шаст ко мне в карман,

Уже зашёл в сенцы, залез ко мне в постель,
А за окном сугроб бетоном лёг на ель,
А между небом и землёй заката догорает полоса,
И тишина, и шепчут голоса:
«Молчи, глупец, в словах спасенья нет,
Слава лишь умножают бремя бед».
И я молчу как партизан, как онемевший Фет.
Обжегшись молоком, на воду дую,
Но сколько бы ни дул, архангелы
Не снизойдут, лишь только Азазель и Вельзевул,
Как Трус, Бывалый и Балбес – Левиафан,
Согреют, покурить дадут
И соль отмоют с ран.

Дачная история

После того как убил, надо ополоснуть руки,
Учил меня мастер этой науки
Данила Багров.

Неба не было видно,
Будто кто-то запер его на засов.

Я ехал в метро,
В стволе был один патрон.

Диктор сказала: станция «Уроборос»,
Я вышел. Там меня ждал матрос.

Мы побежали брать Зимний,
Но Зимний растаял, пришла весна,

Кто-то выбил решетки в одиночной камере,
Расцвела сирень. Я сдвинул берет
Набекрень,

Выстрелил в небо, не ощутив отдачи.
Скинул ствол
И поехал на дачу,

На станцию при заброшенном храме,
Вскапывать грядки маме.

Нет, я не Байрон,
Я нейрон,
Я не Наталия Орейро,

Я онейро.
В моих виденьях
Телевизор черно-белый
И старый тополь до седьмого.
В какой-то жизни тонкой
Посторонней и прозрачной,
Где нет всеядности наждачной,
Где междометья метят двор,
Где угасает давний спор,
Где многовольтовых опор
Согласное гуденье вдоль канала,
Печальная юдоль,
Удар кимвала,
И улыбается загадочно отец,
Звучит биение сердец,
Нет, то не боль и не конец,
То лишь начало.

Он взял звезду и положил в тарелку,
Она лежит, блестит, как леденец,
Одной звездой на ёлке стало меньше,
Гирлянда как созвездие Кота.
На кухне за столом сидит отец,
Снаружи расплескалась темнота,
Он говорит (отец): О, scheiße!
Смотри, как светит в небе Бетельгейзе!
Горит огнём, как бриллиант в подвеске,
Жуть как скучаю по небесным фрескам.
Настал момент – кукушка бьёт в часах!
Корабль на стальных тросах
Дрожит, рычит на космодроме.
Прикрыты плотно двери в доме?
Погашен свет, и спит ли кто-нибудь?
Меня манит, мне внемлет Млечный путь.
В глубинах космоса таинственный сигнал
Налобный мой радар расшифровал.
Десяток долгих лет от звёзд вдали
Провёл я. Лишь следил, как корабли
Взрыхляют звездный ворс.
Но хватит. Рву с землёй все нити.
Ионные костры уже зовут.

- - -

И он ушёл. Я взял звезду
И прикрепил на ёлку.
Вот на окне узоры колосятся,
Снежинки за окном роятся,
И Дед Мороз в санях летит!

А звезды в небе как шары на ёлке,
И мир вмещается на книжной полке,
И чей-то свет в окне горит.
Отец вернётся лет через пятнадцать,
И снова будет снег и фонари,
Рассказы о неистовых стихиях,
Всю ночь, до первых проблесков зари.
Мне будет уже трудно наклоняться,
Я постарею, он – наоборот,
И вот уже мы говорим на равных.
Гирлянда на ветвях, на небе – Кот,
Пушистый и воспитанный, зевая,
Он лапой прикрывает рот.